

УДК 124.5:165.191 (575.2)(04)

РОЛЬ ЦЕННОСТЕЙ В ГУМАНИТАРНО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

В.П. Тутлис, Е.А. Ветошкина

Раскрывая методическую и методологическую роль ценностей в гуманитарно-научном познании, авторы оспаривают устойчивое представление о единстве научного знания, а также о возможности для него быть свободным от ценностей.

Ключевые слова: “вчувствование”; Баденская школа неокантианцев; генерализирующий и индивидуализирующий методы; идеальный тип; понимание; герменевтика.

Проблема ценностей в гуманитарно-научном познании имеет более чем 300-летнюю историю. Впервые о ней заговорил Джамбаттиста Вико (1668–1744), который задолго до Г.В.Ф. Гегеля и И.Г. Гердера выдвинул ряд новаторских идей, оказавших революционизирующее воздействие на последующих мыслителей [1]. Он был первым, кто заявил, что не существует неизменной человеческой природы. Люди понимают историю, которую сами делают не так, как они понимают природу, которую не создают; внутреннее знание, которым мы обладаем о себе как о действующих лицах истории, более доступно для нас, чем отстраненное “внешнее” знание, получаемое с помощью наблюдений. Дж. Вико (кстати, до И.Г. Гердера) ввел в научный оборот идею культуры, включающей все “продукты” человеческой деятельности, которые носят ее печать, рассмотрел множество таких культур. Он верил, что все действия и институты человеческого общества не просто функциональны, но, прежде всего, являются отражением системы предпочтений, формой самовыражения; что два традиционных способа познания (дедуктивный и эмпирический) должны быть дополнены третьим – тем, что немецкие мыслители позже назовут *Verstehen*, то есть реконструкцией с помощью “сочувствующего воображения”, или “вчувствования”. Этим было положено начало радикальному разграничению между свободными от ценностей точными и ценностно-ориентированными гуманитарными науками. Тем самым была подорвана вера в универсалистские принципы и нанесен первый удар монистической идее о том, что знание в принципе должно быть единым и неделимым.

Однако реализация этих идей смогла осуществиться много позже – лишь через смену различных парадигм. Необходим был “коперниковский” переворот И. Канта, расцвет Немецкой классической философии и полное торжество принципов универсализма, последовавшая затем яростная критика рационализма со стороны А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, возникновение иррационализма и широкое распространение позитивизма. Только затем, уже в рамках неоклассической философии, когда стала формироваться философия науки как самостоятельное направление современной философии, идеи Дж. Вико были наконец-то актуализированы. Это было сделано лидерами Баденской школы неокантианцев – В. Виндельбантом (1848–1915) и Г. Риккертом (1863–1936).

Как известно, философы этой школы сконцентрировали свое внимание на разработке методологии научного познания и вытекающего из этого переосмысления роли и назначения философии. Философский анализ содержания эпистемологии и ее онтологических оснований привел их к выводу, что принципиальное различие между естествознанием (“науки о природе”) и обществознанием (“науками о культуре” или о “духе”) обусловлено не предметом научного познания и не его онтологической основой, а методологией науки. Через 200 лет после Дж. Вико, словно развивая высказанные им идеи, В. Виндельбанд¹ говорил: “...опытные науки ищут в познании реального мира либо общее, в форме закона приро-

¹ Основную установку Баденской школы В. Виндельбанд сформулировал 1 мая 1894 г. в речи “История и естествознание”, которую он произнес при вступлении в должность ректора Страсбургского университета.

ды, либо единичное, в его исторической обусловленности. Одни из них – суть науки о законах, другие – науки о событиях, первые учат тому, что всегда имеет место, последние – тому, что однажды было. Научное мышление в первом случае есть номотетическое (т.е. законополагающее. – *В.Т.*), во втором – мышление идеографическое (т.е. описывающее особенное. – *В.Т.*)” [2, с. 199–200].

Конечно, возникает вопрос о сравнительной ценности этих методов. С прагматической точки зрения они оба равнозначны, но с точки зрения их культурной ценности, второй, по мнению В. Виндельбанда, важнее, поскольку всякий человеческий интерес и всякая оценка, все, имеющее значение для человека, относится к единичному и однократному. Если это справедливо в отношении к индивидуальной человеческой жизни, отмечал В. Виндельбанд, то это тем более применимо ко всему историческому процессу: он имеет ценность, только если он однократен [3, с. 99–101].

Выступление В. Виндельбанда только обозначило новые подходы к вопросу о делении наук и роли ценностей в гуманитарно-научном познании. Систематическое развитие они получили в обстоятельных книгах и статьях Генриха Риккерта.

Как и В. Виндельбанд, Г. Риккерт сводит различие между науками о природе и науками о культуре к различию их метода. Отправным моментом при этом служит убеждение, что ни одна наука не может адекватно отобразить действительность. Науки только по-разному упорядочивают и преобразуют ее. Естествознание преодолевает многообразие действительности через абстрагирование от частного и особенного и, на основе упрощения действительности, формирует *общее*. Индивидуальное его не интересует. Но для обществознания, и прежде всего истории, именно единичное, индивидуальное является главным. Поэтому науки о культуре занимаются исследованием *единичного*, исследуют неповторимость явлений и событий.

Таким образом, метод естествознания – “генерализующий” (т.е. обобщающий), метод обществознания – “индивидуализирующий”.

Философам Баденской школы предстояло решить главную проблему: как возможна вообще наука об индивидуальном, а не об общем. Г. Риккерт предложил гениальное решение, имеющее (как станет очевидным впоследствии) генерализующее значение для всей философии XX века, ориентированной на человека и его существование. Он высказал предположение, что индивидуальное следует осмысливать через его соотнесение с *ценностями*. Многообразие со-

бытий получает свое единство через ценностное восприятие. История, как и вообще все обществознание, конечно, упрощает и преобразует действительность, но делает это иначе, чем естествознание, выявляя общезначимые культурные ценности.

Таким образом, проблема о роли ценностей в гуманитарно-научном познании, обоснованная делением наук на науки о природе и науки о культуре, была в принципе решена, причем более 100 лет тому назад. Почему же до сих пор обоснованность этого решения вызывает сомнения? Повидимому, для этого есть серьезные основания.

Основные возражения сводятся к следующему.

Во-первых, при всей диверсификации научных дисциплин наука остается единой сферой человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности.

Во-вторых, единым является и способ освоения действительности: это – теоретическая систематизация эмпирического знания.

В-третьих, сама действительность, исследуемая наукой, подчинена универсальным законам развития. Немецкая классическая философия установила диалектическое тождество мышления и бытия. Было доказано, что и природа, и общество, и человеческое мышление развиваются по одним и тем же диалектическим законам и описываются одними и теми же всеобщими философскими категориями. В.И. Ленин справедливо считал, что величайшей заслугой марксизма, выросшего из немецкой классической философии, стало распространение материалистических взглядов на социум и доказательство того, что общественные процессы подчинены тем же законам диалектики, которые властвуют в природе. Благодаря марксизму “хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и политику, – писал В.И. Ленин, – сменились поразительно цельной и стройной *научной* (курсив мой. – *В.Т.*) теорией, показывающей, как из одного уклада общественной жизни развивается, вследствие роста производительных сил, другой, более высокий...” [4, с. 44].

Новые аргументы против деления наук на науки о природе и науки о культуре предоставила синергетика. Отражая единство процессов самоорганизации материи, а также перехода от хаоса к порядку и от порядка к хаосу, она сумела распространить свои выводы не только на естественно-технические науки, из которых она, собственно говоря, и выросла, но и на все гуманитарное знание.

Отсюда следует общий вывод: наука – это целостная, развивающаяся форма общественного сознания, отражающая, прежде всего, единство материального мира. Безусловно, она структурирована, и ее составляющие могут быть классифицированы по разным основаниям. Но если мы признаем единство науки, то и деление наук должно строиться на общей методологической основе. Такую методологию предложил Ф. Энгельс, беря за основание деления формы движения материи. Он писал: “Классификация наук, из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения материи, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренне присущей им последовательности самих этих форм движения, и в этом именно и заключается ее значение” [5, с. 564–565].

Все вышеизложенное звучит достаточно убедительно, но только в том случае, если мы признаем материальное единство мира, а единство мира, как говорил Ф. Энгельс, в его материальности. Если же понимать действительность как совокупную реальность (объективного и субъективного), если отойти от монистической традиции универсализма и признать безграничные возможности человеческого духа, творящего свою культуру, то мысль о делении наук на науки о природе и науки о “духе” не покажется уж столь абсурдной.

И последнее: главное обвинение против философов Баденской школы заключалось в том, что она была идеалистической и отражала общую для всех неокантианцев приверженность к трансцендентальному методу познания действительности, в соответствии с которым познание понимается не как отражение действительности, а как деятельность по упорядочиванию и преобразованию этой действительности.

Но подумайте сами: разве существует картина мира, которая отражается нашим сознанием? Есть мир и человек, а картина создается силой нашего творческого духа.

Что касается ценностей, то совсем необязательно трактовать их с позиций трансцендентального, их природа иная. Ценности – это характеристика не индивидуального, а общественного сознания, то есть это те идеальные формы, которые функционируют объективно в социальном взаимодействии. Они выявляются через индивидуальное сознание, личность. Но каков механизм этого взаимодействия, как этот процесс соотношения индивидуального и общественного сознания реализуется в науках о культуре (в истории, социологии, психологии и т.д.)? Неокантианцы

такой проработки не сделали. Однако они дали ключ к решению проблемы. Сформированные в Баденской школе принципы методологии научного познания были использованы рядом обществоведов. На этих принципах базировалась “понимающая” социология М. Вебера и Г. Зиммеля и “понимающая” психология В. Дильтея.

Основоположник первого направления М. Вебер (1864–1920) считал, что если исследователь общества (культуры) желает *понять* общественные процессы, то он должен, в отличие от естествоиспытателя, познающего природу, выделять не общее (как видим, М. Вебер в этом отношении шел вслед за неокантианцами), а *значимое*. Выделить значимое помогают *ценности*, которые можно рассматривать как (кстати, легко фиксируемые при социологических опросах) осознанные интересы. Попадая в сферу интересов человека любой предмет оценивается с точки зрения добра и зла, истины или лжи, красоты или безобразного, допустимого или запретного.

Так вот, если науки о природе осуществляют анализ гетерогенной действительности посредством закона и общих понятий, то науки о культуре предполагают подведение гетерогенных феноменов культуры под идеальный тип, который выполняет в этих науках функцию, аналогичную закону.

Идеальный тип (по М. Веберу) – это чисто идеальное пограничное понятие, которое создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения на этой основе множества диффузных и дискретно-существующих единичных явлений, соответствующих этим односторонне выделенным точкам зрения, в единый мысленный образ, отсутствующий в реальной действительности. Функция этого понятия (“идеального типа”) состоит в том, чтобы быть использованной в процессе познания в роли средства для сравнения с эмпирической действительностью и установления степени отклонения действительности от соответствующей понятию абстракции, т.е. само понятие идеального типа содержит в себе ценностные характеристики.

Ценности влияют не только на познание общественных процессов и оценку явлений, но и определяют нормы поведения людей, их цели. Эту связь М. Вебер проследил в ходе социологического анализа религии. В его труде “Протестантская этика и дух капитализма” было блестяще доказано влияние ценностей эпохи протестантизма на становление индустриального общества.

Та же методология научного познания была использована создателем “понимающей” пси-

хологии В. Дильтеем (1833–1911). В. Дильтей – представитель “философии жизни”, и именно понимание жизни лежит в основе его деления наук на два основных класса. Одни из них изучают жизнь природы, другие (науки о духе) – жизнь людей, то есть различаются они и, это важно отметить, не только по методу познания действительности, но и по *самому предмету* познания.

В. Дильтей считал, что постижение жизни, исходя из нее самой – основная цель философии и “наук о духе”, предметом исследования которой является социальная действительность во всей полноте своих форм и проявлений. Поэтому главная задача гуманитарного познания – постижение целостности и развития индивидуальных проявлений жизни, их *ценностной* обусловленности. При этом В. Дильтей подчеркивал: невозможно абстрагироваться от того, что человек – сознательное существо, а это значит, что при анализе человеческой деятельности нельзя исходить из тех же методологических принципов, из которых исходит, например, астроном, наблюдая звезды.

Из каких же принципов и методов должны исходить “науки о духе”, чтобы постигнуть жизнь? В. Дильтей считал, что это, прежде всего, метод *понимания*, то есть непосредственное постижение некой духовной целостности, это проникновение через “вчувствование” и “сопереживание” в духовный мир автора текста.

В науках о природе применяется метод объяснения – раскрытие сущности изучаемого объекта, его законов на пути восхождения от частного к общему.

По отношению к культуре необходим другой метод – метод интерпретации, названный им *герменевтикой* – искусством понимания письменно фиксированных проявлений жизни. Герменевтику В. Дильтей рассматривал как методологическую основу всего гуманитарного знания. “Понимание”, по В. Дильтею, единственно адекватное средство передачи целостности, именуемой “жизнью”, это та процедура, благодаря которой “жизнь” вообще может быть прояснена и осмыслена. Живое может быть познано только живым. “Дух в состоянии понять лишь то, что порождено духом”. А духовность немыслима вне ценностей.

Таким образом, уже в конце XIX – начале XX века было установлено, что ценности в гуманитарном познании играют важную методологическую и методическую роль. Однако понадобилось еще почти пятьдесят лет, чтобы осознать, что вообще вся наука, а не только гуманитарно-научное знание, не может быть свободна от ценностей.

Было признано, во-первых, что различные когнитивные и методологические принципы и формы научного познания, такие, как истина, метод, теория, факт, объективность, обоснованность и доказательность, сами по себе представляют величайшую ценность.

Во-вторых, следует различать две группы ценностей, функционирующих в научном познании: первая – социокультурные, мировоззренческие ценности, обусловленные социальной и культурно-исторической природой науки и научных сообществ, самих исследователей; и вторая группа – когнитивно-методологические ценности, выполняющие регулятивные функции, определяющие выбор теорий и методов, способы выдвижения, обоснования и проверки гипотез, оценивающие основания интерпретаций, эмпирическую и информативную значимость.

И, наконец, в-третьих, были выявлены “механизмы” аксиологической обусловленности научного познания. В последние десятилетия не только за рубежом, но и в отечественной философии науки была проведена колоссальная работа по конкретизации и определению таких значимых компонентов науки, как основания, нормы и идеалы исследования, научная картина мира и стиль мышления (познания), философские категории и принципы, общенаучные методологические принципы верификации и фальсификации, парадигма и исследовательская программа и т.д. Установлено, что именно через них реализуются методологические оценки и “проникают” в виде суждений социальные и культурно-исторические ценности.

Все это позволило выявить глубинные уровни ценностной обусловленности познавательных процессов, обосновать их органическое единство с логическими структурами в самом категориальном строе общественного и индивидуального сознания. Научное знание и все процедуры его получения, проверки и обоснования обретают дополнительное измерение, имеющее не только ценностные, но и исторические параметры. Тем самым одновременно фиксируется та или иная степень опосредованного присутствия исследователя в знании и познавательной деятельности, выявляется система его ценностных ориентаций.

Но все это уже выходит за пределы обозначенной темы и требует самостоятельного исследования.

Литература

1. *Berlin Isaiah*. Viko and Herder. L.: Hogarth Press, 1978.

2. *Радугин А.А.* Философия: курс лекций. М., 1995.
3. Буржуазная философия кануна и начала империализма: учеб. пособие / Под ред. А.С. Богомолова, Ю.К. Мельвич, И.С. Нарского. М., 1977.
4. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 23.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20.